

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

К.В. Высоцкий, аспирант

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-3-2-6-11

Аннотация. Статья посвящена анализу социализации молодёжи в условиях современной России. Рассматриваются теоретико-методологические подходы, сложившиеся в отечественной социологии, прослеживается трансформация институтов социализации – прежде всего семьи и образования, – характеризуется феномен цифровой социализации. Отдельное внимание уделено проблемам и противоречиям, сопровождающим этот процесс. Опираясь на данные ВЦИОМ, ФОМ, Росстата, а также на результаты современных социологических исследований, автор приходит к выводу о глубокой противоречивости социализационных процессов: регулятивная роль традиционных институтов ослабевает, цифровая среда превращается в ведущего агента социализации, а ценностный мир молодого поколения складывается на пересечении традиционных и инновационных культурных кодов. В работе обосновывается целесообразность комплексного подхода, объединяющего рискологическую концепцию, теорию социокультурной саморегуляции и концепцию цифровой социализации.

Ключевые слова: социализация молодёжи; институты социализации; цифровая социализация; ценностные ориентации; молодёжная политика; социальные сети; кризис идентичности.

Социализация молодёжи – одна из центральных проблем социологии, и её значимость резко возрастает в периоды масштабных общественных перемен. Россия 2020-х переживает именно такой период: цифровизация буквально проникает в повседневность, пересматриваются ценностные основания национальной идентичности, меняется структура занятости. Молодёжь при этом оказывается не просто затронута переменами – она находится в их эпицентре. После принятия Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» возрастная граница молодёжи расширена до 35 лет включительно, и численность этой группы достигла порядка 39,1 млн человек. Иными словами, речь идёт об одном из крупнейших субъектов общественного воспроизводства.

Актуальность работы обусловлена несколькими обстоятельствами, каждое из которых заслуживает отдельного пояснения. Традиционные институты социализации – семья, школа, государственные структуры – утрачивают часть регулятивного влияния, уступая его цифровым агентам. Цифры показательны: согласно ВЦИОМ (2023), 96% молодых россиян 18-24 лет выходят в интернет каждый день, причём 61% из них предпочитают вир-

туальное общение живым встречам [1]. Далее: ценности молодёжи формируются в обстановке нарастающей неопределённости – пандемия, геополитические события, экономические потрясения накладываются друг на друга. Наконец, государство наращивает усилия в области молодёжной политики (в 2025 году стартовал нацпроект «Молодёжь и дети»), но вопрос об эффективности институциональных механизмов социализации по-прежнему дискусионен [2].

Цель выполненного исследования – дать комплексный анализ ключевых аспектов социализации российской молодёжи, опираясь на современные теоретические подходы и эмпирические данные.

В рамках поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- систематизировать теоретико-методологические подходы к изучению социализации;
- проанализировать трансформацию институтов и агентов социализации;
- раскрыть специфику цифровой социализации;
- выявить основные проблемы и противоречия социализационных процессов.

Отечественная социология молодёжи располагает развитой теоретической базой. Истоки – в классических подходах. Структурно-

функциональная традиция (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс) трактует социализацию как субъект-объектный процесс: индивид интегрируется в социальную систему через усвоение норм, ценностей и ролей. Символический интеракционизм Ч. Кули и Дж.Г. Мида предложил иную оптику – субъект-субъектную: социализация здесь понимается как взаимодействие, в котором человек конструирует идентичность через коммуникацию со «значимыми другими». Культурно-историческая психология Л. С. Выготского, со своей стороны, акцентирует прижизненное формирование социального опыта – через освоение культурных средств и знаковых систем.

На этой почве выросли самостоятельные российские школы. *Концепция социального развития молодёжи* В.И. Чупрова – по сути, макросоциологическая теория, в которой молодёжь рассматривается через призму общественного воспроизводства и переходности социального статуса [4]. Из неё логически выросла *рискологическая концепция* Ю.А. Зубок, опирающаяся на идею «общества риска» (У. Бек). Суть её в том, что для молодёжи риск – не случайное обстоятельство, а существенное свойство, обусловленное переходным характером становления социальной субъектности [4]. Позднее оба подхода были интегрированы в *концепцию социокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодёжи*, где анализируются механизмы интеграции, роль доверия, стратегии рационализации в условиях неопределённости [4].

Школа Московского гуманитарного университета представлена *тезаурусной концепцией* Вал.А. Лукова. Молодёжь понимается как социальная группа, которая осваивает субъектность через формирование тезаурусов – ориентационных комплексов, организованных по модели «свои – чужие». В развитие этого подхода А.И. Ковалёва ввела понятия «социализационная норма» (результат действия общественного механизма воспроизводства социальной сущности) и «социализационная траектория», описывающую динамику процесса в трёх плоскостях: среда, субъектность и диспозиция. Как отмечают В.А. Луков и С.В. Луков, социокультурная субъектность молодёжи сегодня формируется на стыке социализации и инкультурации, и тезаурусный подход позволяет продуктивно

интерпретировать данные о молодёжной субъектности в условиях цифровизации [8].

Социально-педагогический подход А.В. Мудрика определяет социализацию как развитие человека на протяжении всей жизни через освоение и воспроизводство социального опыта. Мудрик выделил четыре уровня внешних факторов (мега-, макро-, мезо-, микрофакторы), что обеспечивает многоуровневый анализ. Воспитание трактуется при этом как относительно контролируемая часть социализации – встроенная в более широкое поле стихийных и направленных воздействий [10].

К числу новейших теоретических разработок принадлежит *социально-когнитивная концепция цифровой социализации* Г.У. Солдатовой. Она описывает адаптацию человека к возможностям и рискам динамичной социотехнологической среды. Ключевое понятие – гиперподключённая, технологически достроенная цифровая личность, являющаяся частью реальной личности и действующая в «смешанной реальности». Методологически концепция продолжает линию Л.С. Выготского и экологическую теорию У. Бронфенбреннера, вводя понятие техносистемы – опосредующего звена между индивидом и социальным миром [7].

Итак, теоретическое поле отечественных исследований социализации молодёжи отличается методологическим плюрализмом. Наиболее заметная тенденция последних лет – переход от монодисциплинарных моделей к комплексным, стремящимся соединить рискологическую, тезаурусную и цифровую парадигмы. Именно такая интеграция, по видимому, и является сейчас наиболее перспективной исследовательской стратегией.

Основные институты и агенты социализации российской молодёжи

Семья как ведущий институт первичной социализации. Семья по-прежнему возглавляет иерархию ценностей молодых россиян, хотя характер её влияния заметно меняется. ВЦИОМ (2022) приводит следующие данные: среди молодёжи 14-35 лет 97 % назвали важными здоровье и безопасность семьи, 96% – отношения в семье, 91% – поддержание тёплых отношений со всеми её членами. По данным 2023 года, крепкая семья остаётся наивысшей ценностью для 68% россиян; правда, среди молодёжи 18-24 лет она лишь

ненамного опережает самореализацию (57% против 50%) [1].

Однако институт семьи претерпевает существенную трансформацию. Исследование А.А. Реана на выборке свыше 7000 человек из 8 регионов обнаружило, что лишь 42% респондентов хотели бы, чтобы их будущая семья была похожа на родительскую; 34% ответили на этот вопрос отрицательно. Основной источник представлений о семье – по-прежнему родительская семья (53,2%), но значительную роль играют и друзья (23,1%), и медиаконтент. Получается, что трансляционная функция семьи подвергается частичной эрозии: молодые люди скорее конструируют собственную модель семьи, чем воспроизводят родительскую.

Образование в ситуации дисфункции. Система образования – своеобразный «второй институциональный фильтр» социализации: она формирует ценностные ориентации, жизненные идеалы, профессиональные компетенции. Между тем исследователи всё чаще фиксируют нарастающую дисфункцию. Образовательные учреждения вынуждены адаптироваться к требованиям рынка, и эта логика нередко вступает в противоречие с задачами воспитания. В рамках федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан РФ» проводится ежегодный мониторинг ценностных ориентаций молодёжи – в 2023 году он охватил 782 233 респондента из 89 субъектов [8].

Университет выполняет двоякую роль: интегрирует молодое поколение во взрослое общество и одновременно (хотя бы отчасти) регулирует воздействие иных агентов социализации. Но без системного взаимодействия с семьёй образовательные учреждения вряд ли способны заметно повысить качество социализации. Высшая школа оказалась перед двойным вызовом: с одной стороны – соответствие стандартам профессиональной подготовки в условиях цифровизации и глобальной конкуренции; с другой – задача трансляции ценностных основ, которые к набору компетенций не сводятся. Разрыв между декларируемыми воспитательными целями и реальной практикой коммерциализованного образования лишь усиливает ценностную дезориентацию молодёжи.

Государственная молодёжная политика как институциональная рамка. Государство выстраивает инфраструктуру социализации достаточно активно. Принятие ФЗ-489 стало заметным рубежом: закон ввёл единый возрастной критерий (14-35 лет) и определил основные направления – от патриотического воспитания до поддержки добровольчества и профилактики деструктивных идеологий. В 2024 году утверждена Стратегия реализации молодёжной политики до 2030 года; с 2025 года действует нацпроект «Молодёжь и дети», объединяющий федеральные проекты «Профессионалитет», «Университеты для поколения лидеров», «Россия – страна возможностей». Тем не менее опросы ФОМ (2023) рисуют не столь оптимистичную картину: лишь 39% россиян полагают, что молодёжь реально способна влиять на политическую жизнь, а 57% молодёжи и вовсе не интересуется политикой. Разрыв между институциональными усилиями и субъективным восприятием молодёжью собственной включённости остаётся очевидным [2].

Цифровая социализация и её особенности

Цифровая социализация – пожалуй, наиболее заметная характеристика взросления российской молодёжи в 2020-е годы. Масштабы впечатляют: по данным ВЦИОМ (2023), молодёжь 18-24 лет проводит в социальных сетях и мессенджерах в среднем 493 минуты – более 8 часов – в день. Доля «активных пользователей» в этой возрастной группе достигла 86%, прибавив 24 процентных пункта за пять лет (с 2018 года). Лидирующие платформы – ВКонтакте (129 мин/сутки), TikTok (125 мин/сутки) и Telegram (123 мин/сутки). Социальные сети вытеснили телевидение в роли основного источника новостей: о событиях из соцсетей и блогов узнают 35-45% молодёжи, тогда как телевизор в качестве новостного канала указывают лишь 11-19% [1].

Масштабное сравнительное исследование Г.У. Солдатовой и Е.И. Рассказовой (2023) – 1380 российских подростков 12-17 лет из 15 регионов и 16 048 подростков из 18 европейских стран – зафиксировало стремительную динамику: доля школьников, проводящих в Сети более 5 часов ежедневно, выросла с 8% (2009) до 52% (2016). Средний возраст выхода в интернет снизился до 9-10 лет. Развитие

подростков всё больше протекает в условиях «смешанной реальности», где границы между онлайн и офлайн, по существу, стёрты [9].

В цифровой среде обнаруживается выраженная амбивалентность. Положительная сторона – расширение коммуникативных возможностей, новые формы самообразования и гражданской активности, конструирование идентичности. Н.В. Розенберг (2022) показала, что социальные сети превратились для молодёжи в основную среду коммуникативных практик; при этом около 70% пользователей располагают одним или несколькими анонимными аккаунтами – что указывает на практики конструирования множественной цифровой идентичности [10].

Обратная сторона – серьёзные риски. Крупнейшее российское исследование киберрагессии (Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, С.В. Чигарькова, 2020; N = 3395) обнаружило широкий спектр деструктивных практик: от флейминга и хейтинга до киберсталкинга и кибербуллинга. Кибербуллингу, по разным оценкам, подвергались 55-58% подростков; в студенческой среде с интернет-травлей хотя бы однажды сталкивались до 90% опрошенных [7]. Исследователи отмечают и побочные когнитивные эффекты: клиповое мышление, ослабление критического восприятия информации, уязвимость перед индоктринацией – через деструктивные сообщества, фейковые новости и манипулятивные нарративы.

Проблема цифровой компетентности остаётся открытой. Хотя 4 из 5 подростков заявляют о готовности развивать цифровые навыки, реальная мотивация едва достигает 20 % от максимально возможного уровня. Возникает парадокс: молодёжь глубоко погружена в цифровую среду, но инструментов для её критического осмысления и безопасного использования не хватает. Г.У. Солдатова справедливо настаивает на необходимости целенаправленной поддержки цифровой социализации – как приоритетной задачи образовательной и молодёжной политики [7]. Важно также, что, по данным Солдатовой и Рассказовой (2023), личностные характеристики и особенности саморегуляции студентов существенно различаются в онлайн- и офлайн-контекстах, – а это говорит о формировании качественно новых механизмов социальной адаптации [9].

Проблемы и противоречия социализации молодёжи

Столкновение традиционного и инновационного типов культуры. Одно из центральных противоречий социализации – сосуществование в ценностном пространстве молодёжи двух культурных кодов, традиционного и инновационного. По данным ВЦИОМ (2023), 81% россиян признают важность сохранения традиционных ценностей. Однако среди тех, кто моложе 25 лет, 53% выбирают «современность» в противовес традициям, а 42% считают, что держаться за традиционные семейные ценности не стоит. При всём этом базовые ценности поколений во многом совпадают. Конфликт, по всей видимости, носит ситуативный, а не фундаментальный характер [5].

Индивидуализация и её пределы. Социологические исследования фиксируют устойчивое доминирование индивидуалистических ценностей у молодёжи: смещаются нравственные ориентиры, диверсифицируются ценности, растёт значимость карьеры – при некотором снижении приоритета семейного счастья. ВЦИОМ приводит иерархию ценностей молодёжи 18-34 лет: доход, порядок и стабильность, самореализация, свобода. Но полного разрыва с коллективизмом не происходит. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров обнаружили значимые корреляции между габитуальными установками коллективизма и индивидуализма, с одной стороны, и смыслами, которые молодёжь вкладывает в образование и труд, – с другой [4]. Скорее речь идёт о парадоксальном сосуществовании двух ценностных регистров.

Кризис идентичности и проблема доверия. Формирование общероссийской гражданской идентичности молодёжи осложняется тем, что микросоциальная идентификация (семья, друзья, локальная группа) эмоционально перевешивает макросоциальную. По ВЦИОМ (2022), 83% молодых россиян 14-35 лет идентифицируют себя как «граждане РФ», однако это на 7 п.п. ниже, чем годом ранее. В группе 18-24 лет лишь 59% считают важным участие в общественной и политической жизни. Кризис доверия к институтам проявляется характерно: социализационные функции постепенно смещаются от традиционных аген-

тов к молодёжной субкультуре, цифровым медиа, коммерческим платформам [2].

Нарастание неопределённости и рискогенности. О.А. Карлова и О.В. Мясоутов (2023) изучали тренды молодёжной культуры в условиях тройного давления: ковидных ограничений, санкций и специальной военной операции. Исследователи зафиксировали конфликт между сформировавшейся «культурой желаемого настоящего» – порождением потребительского общества 2000–2010-х – и новой реальностью, которая выводит молодёжь «вне зоны комфорта» [6]. Рискологическая концепция выделяет три группы противоречий: связанные с неравенством социального статуса; вытекающие из взаимодействия с социальными институтами; обусловленные социокультурными особенностями поколения, формирующегося на стыке эпох [4].

Социальное неравенство как структурный фактор. М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги (2020) в итоговой монографии по результатам многолетних социологических исследований убедительно продемонстрировали, что возможности самореализации молодёжи определяются целым рядом структурных условий: материальным положением семьи, экономической инфраструктурой региона, территориальной доступностью образования, гендерной спецификой. По данным ВЦИОМ (2023), россияне называют в числе ключевых проблем молодёжи трудоустройство (39%), жилищный вопрос (37%), образование и материальное положение (по 28%). Растущее расслоение делает социализацию всё более дифференцированной – единой модели жизненного старта попросту не существует [1].

Проведённый анализ свидетельствует о том, что социализация российской молодёжи в 2020-е годы – процесс системно противоречивый, протекающий на пересечении нескольких разнонаправленных тенденций. Теоретический аппарат для его осмысления

наработан достаточно мощный: рискологическая концепция Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, тезаурусный подход Вал.А. Лукова, социально-когнитивная концепция цифровой социализации Г.У. Солдатовой. Каждая из этих школ схватывает существенную грань явления, и наибольшую отдачу, по-видимому, даёт именно их интеграция.

Что показывают эмпирические данные? Цифровая среда превратилась в доминирующее пространство социализации. При 8-часовом ежедневном присутствии в соцсетях именно там формируются ценности, идентичность, коммуникативные привычки молодёжи. Семья и образование сохраняют базовое значение – но на монополию в трансляции норм уже не претендуют. Государственная молодёжная политика институционально активна; субъективная же включённость молодёжи в общественно-политическую жизнь остаётся невысокой.

Ценностный мир молодёжи правильнее описывать не через конфликт, а через парадоксальное сосуществование традиционных и инновационных кодов. Семья – на вершине ценностной иерархии, однако рядом – установки на самореализацию и индивидуальный успех. Гражданская идентичность формально принимается большинством, но по эмоциональной значимости уступает идентификации с близким кругом. Нарастание неопределённости (пандемия, геополитика, экономические шоки) усиливает рискогенность социализации и подталкивает молодёжь к саморегуляционной модели социального поведения.

Дальнейшие исследования, на наш взгляд, должны быть сосредоточены на изучении механизмов цифровой социализации, на разработке работающих моделей формирования цифровой компетентности и, что не менее существенно, на анализе долгосрочных последствий нарастающей неопределённости для ценностного мира нового поколения.

Библиографический список

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований : монография. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с.
2. Голубева Н.А. Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе / Н.А. Голубева // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2020. – № 1. – С. 130-150.
3. Сорокин О.В., Любутов А.С. Социокультурные девиации молодежи в сфере межличностных взаимодействий: саморегуляция и моделирование // Наука. Культура. Общество. – 2023. – Т. 29. – № 3. – С. 98-108.

4. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография. – М.: Норма, 2020. – 304 с.
5. Авдеев Е.А. Традиционные ценностные основы общероссийской идентичности: на примере молодёжи Северного Кавказа / Е.А. Авдеев, С.М. Воробьев // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – Т. 11, № 3. – С. 37-54. – DOI 10.19181/snsp.2023.11.3.2.
6. Карлова О.А., Мясоутов О.В. Российская молодежь вне зоны комфорта: переживание неопределенности и политические фантомы // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16. – № 7. – С. 1208-1221.
7. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 431-450.
8. Луков В.А., Луков С.В. Субъектность молодежи в процессах социализации и инкультурации // Горизонты гуманитарного знания. – 2020. – № 1. – С. 3-20.
9. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Цифровая социализация российских подростков: через призму сравнения с подростками 18 европейских стран // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 11-30.
10. Розенберг Н.В. Социальные сети как основной вид коммуникативных практик современной молодежи: социологический анализ // Наука. Общество. Государство. – 2022. – Т. 10. – № 4. – С. 90-98.
11. Рожков М.И., Тесленко А.Н. Социализация молодежи: проблемы и перспективы развития социально-педагогических исследований // Журнал педагогических исследований. – 2023. – № 4. – С. 8-17.

SELECTED ISSUES OF SOCIALIZATION OF RUSSIAN YOUTH

K.V. Vysotsky, *Postgraduate Student*
Plekhanov Russian University of Economics
(Russia, Moscow)

***Abstract.** The article deals with key dimensions of youth socialization in present-day Russia, covering theoretical and methodological frameworks, the ongoing transformation of socialization institutions, the digital socialization phenomenon, and the principal problems and contradictions involved. Drawing on empirical data from VTsIOM, FOM, Rosstat, and recent sociological studies, the author argues that youth socialization is marked by deep contradictions: traditional institutions are losing regulatory influence, the digital environment has emerged as the dominant agent of socialization, and the value space of the younger generation is being shaped at the crossroads of traditional and innovative cultural codes.*

***Keywords:** youth socialization; institutions of socialization; digital socialization; value orientations; youth policy; social networks; identity crisis.*